

Художественное своеобразие цикла Максима Горького «Сказки об Италии»

«Сказки об Италии», как и другие лучшие горьковские произведения, отличаются высокой художественностью. Писатель не фиксировал явления и факты действительности, не срисовывал их с точностью художника-копииста. Он отбирал типичные, преобладающие, жизненно важные приметы времени, чтобы запечатлеть их в художественных формах и осветить с позиций высших идеалов красоты и человечности. Если писатели-реалисты XIX века уделяли главное внимание быту, происхождению, воспитанию героя (то есть мотивированности его характера), то Горького интересовала неповторимая индивидуальность героев, в которой проявлялись их потенциальные возможности. В рассказах писатель утверждает свой положительный идеал человека и рисует прекрасных героев, прекрасную природу.

Исследователь В. Захарова в своей статье «Ранний Горький в восприятии литературной критики рубежа XIX–XX веков» отмечала: «...он обладает громадным художественным талантом, глубоким художественным чувством, которое производит сильное влияние на каждого читателя».

«Художественное своеобразие – это уникальный, не похожий на других художественный стиль, присущий определенному автору или же художественному произведению» [krugosvet.ru]. И в этом плане цикл Горького «Сказки об Италии» – выдающееся произведение. Художественное своеобразие цикла заслуживает большого внимания. Автор использует большое количество художественных приемов, создавая в своем цикле яркие, запоминающиеся образы, своеобразные портреты. Большое внимание уделяется пейзажу. И все это помогает ему рассказать правду о Человеке.

Пейзаж.

Значимым компонентом сказок становится пейзаж, выявляющий красоту южной природы с её насыщенными красками неба и моря, ярким освещением и интенсивной цветовой гаммой растений. Этот пейзаж одушевлен.

В сказках звучит гимн природе – прекрасной и естественной красоте итальянской земли. Но пейзажные зарисовки здесь не экзотика, которая прежде всего бросается в глаза иностранцу. С природой у Горького органически, неделимо связан человек – совершеннейшее ее создание. А человек, в свою очередь, выступает как созидатель и творец, отдающий своим трудом щедрую дань природе, совершенствуя и украшая её.

Об органической связи человека и природы повествует сказка девятнадцатая. Еще мальчишкой Джованни Туба полюбил море. «...Когда человека схватит за сердце море, он сам становится частью его», – комментирует эту всепоглощающую страсть своего героя автор. Всю жизнь добывал Туба кораллы у берегов Сицилии. Занимался ремеслом, сопряженным с опасностью, риском утонуть. А когда ему минуло восемьдесят и не стало сил держать весла, он вернулся на остров, в дом брата, в семью бедняков, где «слишком внимательно смотрели за кусками хлеба, которые он совал кривою лапой в свой беззубый рот».

И вот Туба принял решение: он добрался до берега, вошел в воду, «лег на спину и, глядя в небо, – поплыл в даль, где темно-синяя завеса небес качается краем своим черного бархата морских волн, а звезды так близки морю, что, кажется, их можно достать рукой».

По мнению критика Л. Быковцевой, конец Джованни Туба похож на смерть ямщика Федора из рассказа «Три смерти» Л. Толстого: «В разных ситуациях и тот и другой встречают свой последний смертный час спокойно, просто, по-народному мудро. Как естественный конец жизни, перед которым не испытывают ни страха, ни сожаления. При крайней физической немощи тела и тот и другой сохраняют удивительную силу духа, ясность ума, благородство, высокое человеческое достоинство».

Горький дает почувствовать тяжелое дыхание сирокко – юго-восточного ветра, который изнуряет душным зноем Африки: «В день, когда это случилось, дул сирокко, влажный ветер из Африки – скверный ветер! – он раздражает нервы, приносит дурные настроения, вот почему два извозчика – Джузеппе Чиротта и Луиджи Мэта – поссорились».

Горький в цикле «Сказки об Италии» рисует прекрасные, полные гармонии картины природы в разное время суток. Прекрасна и разнообразна природа в тихий жаркий полдень, когда «солнце – в зените, раскаленное синее небо ослепляет, как будто из каждой его точки на землю, на море падает огненно-синий луч...». И на рассвете, когда «только что погасли звезды, но еще блестит белая Венера... Облака чуть окрашены в розоватые краски и тихо согреваются в огне первого луча...». И ночью, когда в тумане неба «мелькают светлые узоры звезд, вспыхивает и гаснет голубой Сириус...». Даже в дождь и грозу, когда в темноте «рыщут молнии». И так же бесконечно разнообразны, неповторимы, колоритны люди. Самобытен, неповторим, интересен сам по себе каждый человек. О наличии множества положительных персонажей в «Сказках об Италии» Горький говорил: «...природа их страны так хороша, что и люди ее невольно кажутся, может быть, лучше, чем они есть на самом деле».

Многие сказки Горький открывает великолепными пейзажными зарисовками, уже с самого начала вводя читателей в прекрасный мир природы: «Синее спокойное озеро в глубокой раме гор, окрыленных вечным снегом, темное кружево садов пышными складками опускается к воде, с берега смотрят в воду белые дома, кажется, что они построены из сахара, и всё вокруг похоже на тихий сон ребенка». «Звенят цикады. Словно тысячи металлических струн протянуты в густой листве олив, ветер колеблет жесткие листья, они касаются струн, и эти легкие непрерывные прикосновения наполняют воздух жарким, опьяняющим звуком. Это – еще не музыка, но кажется, что невидимые руки настраивают сотни невидимых

арф, и всё время напряженно ждешь, что вот наступит момент молчания, а потом мощно грянет струнный гимн солнцу, небу и морю». «Остров спит – окутан строгой тишиною, море тоже спит, точно умерло, – кто-то сильною рукой бросил с неба этот черный, странной формы камень в грудь моря и убил в ней жизнь».

Человек и природа взаимосвязаны. Это было всегда. Первобытные люди так трепетно относились к природе, что даже обожествляли ее. И огонь, и вода, и земля, и небо... Все стихии виделись им божествами. Да и растения, и животные, и птицы. Это трепетное отношение к природе теплится и в душе Горького. Природу нужно беречь. Человек должен жить в гармонии с природой. Поэтому герой четвертой сказки говорит: «...так нельзя бороться с землей, она отомстит за свои раны и останется непобежденной!».

Но помимо положительного, Горький видел в природе и нечто отрицательное: «...природа, – утверждает Горький в статье «О культуре», – хаос неорганизованных, стихийных сил, которые награждают людей землетрясениями, наводнениями, ураганами, засухами, нестерпимым зноем и таким же холодом» .

Выразительным и устойчивым компонентом описаний природы в цикле становится образ солнца. Это оно, ярко сверкая, творит сказки. К нему тянется здесь все живое и получает от него свое движение и благоухание. И стекла домов улыбаются бликами солнца, и у людей здесь чувствуется солнце прямо в крови. «В синем небе полудня тает солнце, обливая воду и землю жаркими лучами разных красок... Гора окутана лиловой дымкой зноя, седые листья олив на солнце – как старое серебро, на террасах садов, одевших гору, в темном бархате зелени сверкает золото лимонов, апельсин, ярко улыбаются алые цветы гранат, и всюду цветы, цветы.

Любит солнце эту землю...».

«Весна, ярко блестит солнце, люди веселы, и даже стекла в окнах старых каменных домов улыбаются тепло».

В цикле есть даже стихотворение, посвященное солнцу:

«На берег пустынный, на старые серые камни

Осеннее солнце прощально и нежно упало.

На темные камни бросаются жадные волны

И солнце смывают в холодное синее море.

И медные листья деревьев, оборваны ветром осенним,

Мелькают сквозь пену прибоя, как пестрые мертвые птицы,

А бледное небо – печально, и гневное море – угрюмо.

Одно только солнце смеется, склоняясь покорно к закату».

А в двадцатой сказке писатель называет солнце богом: «Остров, среди темной равнины сонных вод, под бледным куполом неба, подобен жертвеннику пред лицом бога-солнца» .

В сказки Горького вошло многое из того, что непосредственно его окружало. На их страницах чаще всего возникает Капри. Вот, например, каким видится этот остров с моря или с противоположного берега Неаполитанского залива: «...остров кажется лобастым зверем: выгнув мохнатую спину, он прильнул к морю огромной пастью и молча пьет воду, застывшую, как масло». И еще: «...в тумане тихо плывет – или, раскален солнцем, тает – лиловый остров, одинокая скала среди моря, ласковый самоцветный камень в кольце Неаполитанского залива». И снова: «Если смотреть на остров издали, с моря, он должен казаться подобным богатому храму в праздничный день: весь чисто вымыт, щедро убран яркими цветами, всюду сверкают крупные капли дождя – топазами на желтоватом молодом листе винограда, аметистами на гроздьях глициний, рубинами на кумаче герани, и точно изумруды всюду на траве, в густой зелени кустарника, на листе деревьев».

Собственно, остров Капри и Неаполь встречаются в подавляющем большинстве новелл. И это объясняется не только спецификой жизненной биографии Горького, но и субъективным моментом, тем, что он особенно

любил итальянский юг.

Итальянская природа подробно представлена и в рассказе Бунина «Господин из Сан-Франциско»; солнечный лик Италии так и не открылся герою рассказа, он успел увидеть лишь ее прозаично-дождливый лик: блестящие жестью мокрые от дождя пальмовые листья, серое небо, постоянно морозящий дождь: «Сладко пахнет в Италии земля после дождя, и свой, особый запах есть у каждого ее острова!». В рассказе Бунина тоже возникает остров Капри – «...каменный сырой городок на скалистом островке в Средиземном море». Бунин тоже создает пейзажные зарисовки: «...влажный ветер зашуршал рваной листвой банана, когда поднялось и раскинулось над островом Капри голубое утреннее небо и озолотилось против солнца, восходящего за далекими синими горами Италии...».

Герои Бунина напоминают нам героев Горького; лодочник Лоренцо и абруцкие горцы ощущают себя естественной частью огромной вселенной, не случайно в финальной части рассказа Бунина резко расширяется художественное пространство, включая и землю, и океан, и небо: «целая страна, радостная, прекрасная, солнечная, простиралась под ними: и каменистые горбы острова, который почти весь лежал у их ног, и та сказочная синева, в которой плавал он, и сияющие утренние пары над морем к востоку, под ослепительным солнцем, которое уже жарко грело, поднимаясь все выше и выше, и туманно-лазурные, еще по-утреннему зыбкие массивы Италии, ее близких и далеких гор, красоту которых бессильно выразить человеческое слово».

Горький раскрывает в своих рассказах и яркую цветовую гамму растений Италии: «Изрезанный уступами каменистый берег спускается к морю, весь он кудрявый и пышный в темной листве винограда, апельсиновых деревьев, лимонов и фигов, весь в тусклом серебре листвы олив. Сквозь поток зелени, круто падающий в море, приветливо улыбаются золотые, красные и белые цветы, а желтые и оранжевые плоды напоминают о звездах в безлунную жаркую ночь, когда небо темно, воздух влажен».

Море, небо, горы, прозрачный воздух – весь яркий колорит южно-итальянской природы щедро насыщает новеллы-«сказки».

Писатель Джерманетто отмечал: «Никто не умел писать о чудесной природе нашей страны с такой необычайной простотой, как Горький...».

Пейзаж Горького, лишенный полутонов, основанный на ярких красках, выражающий самую неукротимую сущность стихии, ее красоту и исключительность, таким образом, одушевляется и как бы выражает неординарность характера героев. Моря и небо бесконечны, и они подчеркивают безграничность свободы героев. Именно в таком пейзаже могут реализовать себя герои этих рассказов. А М. Горький, как отмечает литературовед М. Дунаев, «ставит в центре мира человека, человеческое начало».

Портрет.

Столь же выразительным становится в цикле портрет. Он передает национальные черты итальянцев: их бронзовый оттенок кожи, солнечность их улыбок на красных лицах, их неумеренную жестикуляцию. Но портрет раскрывает и принадлежность человека к определенной профессии (мостовщики похожи на серые крепкие камни): «На тротуаре в тени большого дома сидят, готовясь обедать, четверо мостовщиков – серые, сухие и крепкие камни. Седой старик, покрытый пылью, точно пеплом осыпан, прищурив хищный, зоркий глаз, режет ножом длинный хлеб, следя, чтобы каждый кусок был не меньше другого. На голове у него красный вязаный колпак с кистью, она падает ему на лицо, старик встряхивает большой, апостольской головою, и его длинный нос попугая сопит, раздуваются ноздри. Рядом с ним на теплых камнях лежит, вверх грудью, бронзовый и черный, точно жук, молодец; на лицо ему прыгают крошки хлеба, он лениво щурит глаза и поет что-то вполголоса, – точно сквозь сон. А еще двое сидят, прислонясь спинами к белым стенам дома, и дремлют» или: «среди желтых и серых камней, от которых льется кисловатый запах динамита, сидят, обедая,

четверо каменоломов – крепкие мужики в мокрых лохмотьях, в кожаных лаптях... Двое из них – бритые и похожие друг на друга, как братья, – кажется даже, что они близнецы; один – маленький, кривой и колченогий, напоминает суетливыми движениями сухого тела старую ошипанную птицу; четвертый – широкоплечий, бородатый и горбоносый человек средних лет, сильно седой... Его карие глаза смотрят из-под густых бровей невесело, насмешливо; голос у него тяжелый, сиплый, речь медленна и неохотна. Шляпа, волосатое разбойничье лицо, большие руки и весь костюм синего сукна обрызганы белой каменной мукою, – очевидно, это он сверлит в скале скважины для зарядов». Портрет так же раскрывает печать, наложенную долгой жизнью: «Из двери белого домика, захлестнутого виноградниками, точно лодка зелеными волнами моря, выходит навстречу солнцу древний старец Этторе Чекко, одинокий человечек, нелюдим, с длинными руками обезьяны, с голым черепом мудреца, с лицом, так измятым временем, что в его дряблых морщинах почти не видно глаз» или «...сидит черный, как жук, рабочий, на груди у него медаль, лицо смелое и ласковое. Положив бронзовые кисти рук на колена свои, приподняв голову, он смотрит в лицо прохожего, стоящего под каштаном, говоря ему: – Это, синьор, медаль за работу в Симплонском туннеле».

С помощью портрета Горький раскрывает и социальные признаки: «Пепе – лет десять, он хрупкий, тоненький, быстрый, как ящерица, пестрые лохмотья болтаются на узких плечах, в бесчисленные дыры выглядывает кожа, темная от солнца и грязи. Он похож на сухую былинку...». А портрет героини из десятой сказки показывает нам и ее социальную принадлежность, и всю тяжесть ее судьбы: «...высокая женщина в черном платье, оно выгорело на солнце до бурых пятен, и даже издали видны его заплаты. Голова ее не покрыта – блестит серебро седых волос, мелкими кольцами они осыпают ее высокий лоб, виски и темную кожу щек; эти волосы, должно быть, невозможно причесать гладко.

Лицо у нее резкое, суровое, увидев однажды – его запомнишь навсегда, есть что-то глубоко древнее в этом сухом лице, а если встретишь прямой и темный взгляд ее глаз – невольно вспоминаются знойные пустыни востока, Дебора и Юдифь».

Горький часто подробно изображал внешность своих героев: «На палубу выбежали двое лакеев; один молодой, тоненький и юркий, неаполитанец, с неуловимым выражением подвижного лица, другой – человек среднего возраста, седоусый, чернобровый, в серебряной щетине на круглом черепе; у него горбатый нос и серьезные умные глаза. Шутя и смеясь, они быстро накрыли стол для кофе и убежали, а на смену, гуськом, один за другим из кают медленно вылезли пассажиры: толстяк, с маленькой головой и оплывшим лицом, краснощекий, но грустный и устало распутивший пухлые малиновые губы; человек в серых бакенбардах, высокий, весь какой-то выглаженный, с незаметными глазами и маленьким носом-пуговкой на желтом плоском лице; за ними, споткнувшись о медь порога, выпрыгнул рыжий круглый мужчина с брюшком, воинственно закрученными усами, в костюме альпиниста и в шляпе с зеленым пером». «В камнях два рыбака: один – старик, в соломенной шляпе, с толстым лицом в седой щетине на щеках, губах и подбородке, глаза у него заплыли жиром, нос красный, руки бронзовые от загара. Высунув далеко в море гибкое удилище, он сидит на камне, свесив волосатые ноги в зеленую воду, волна, подпрыгнув, касается их, с темных пальцев падают в море тяжелые светлые капли.

За спиной старика стоит, опираясь локтем о камень, черноглазый смугляк, стройный и тонкий, в красном колпаке на голове, в белой фуфайке на выпуклой груди и в синих штанах, засученных по колени. Он щиплет пальцами правой руки усы и задумчиво смотрит в даль моря...».

Через портрет Горький раскрывал и внутренний мир; это ярко выражается в портрете Нунчи: «Она умела одеться так, что ее красота

выигрывала, как доброе вино в стакане хорошего стекла: чем прозрачнее стекло – тем лучше оно показывает душу вина, цвет всегда дополняет запах и вкус, доигрывая до конца ту красную песню без слов, которую мы пьем для того, чтоб дать душе немножко крови солнца. Вино, о господи!».

Вообще Нунча – яркий положительный персонаж: «Стоит Нунча на солнце, зажигая веселые мысли и желание нравиться ей, – пред красивой женщиной стыдно быть незаметным человеком и всегда хочется прыгнуть выше самого себя. Много доброго сделано было Нунчей, много сил разбудила она и влила в жизнь. Хорошее всегда зажигает желание лучшего».

Язык и стиль.

Язык, по определению Горького, «первоэлемент художественной литературы».

К числу художественных особенностей «Сказок» относится афористичность языка. Создавая рассказы о простых людях, Горький много поработал над их речью. Афоризмы, вложенные в уста героев, знаменуют новую народную мудрость, итог новых социальных наблюдений. Эти афоризмы ярко противостоят пословицам и поговоркам, основанным на старом жизненном опыте. Горький глубоко чувствовал высокую творческую одаренность народа и старался показать ее. Изображая талантливых представителей народной массы, он включал в их речь яркие образные изречения: «Дар ребенка – дар бога...», «Человек всегда думает о счастье...», «Иногда совсем не понимаешь – зачем нужны людям разные языки?», «Истинная любовь... бьет в сердце, как молния, и нема, как молния...», «... маленькое счастье – честнее...», «Бедные люди – красивее, а богатые – сильнее...», «Деньги – исчезают, работа – остается...», «Земля – богата, люди – бедны, солнце – доброе, человек – зол», «мужчина – не бог, а только богу нельзя изменить...», «Распутство – веселье богатых...», «Ум честного

человека – в сердце!»...

Критик Н. Матвейчук, рассматривая особенности языка произведений Горького, справедливо отмечал: «Многие исследователи считают главным доказательством художественного совершенства горьковских афоризмов то, что они превратились в народные фразеологизмы – пословицы и поговорки».

Язык итальянских сказок отличается четким ритмом: «...мраморные дома, высокие башни, ажурные террасы...», повтором слов: «Баста! Эй, разбойники, – баста», одинаковыми по постарению фразами: «Земля – богата, люди – бедны, солнце – доброе, человек – зол», двойными причастными оборотами: «Все выше и отчетливее поднимаются из воды берега – холмы и горы, окутанные мглой, покрытые садами», однородными членами: «...с криком и воплями все бросились к выходу...» Динамику жизни и поведения итальянцев точно запечатлевают многочисленные глаголы: «Разломали аппарат для ловли крыс, освободили прищемленный, посиневший палец девушки и унесли ее в обмороке». «...многие упали без чувств на кафли пола, многие плакали, как дети...». А шум движений, говорливость, эмоциональность, песенность героев этих сказок отражает сложный мир звуков и восклицаний: «Viva Italia!» .

Герои Горького – люди из гущи народной, их мысли поражают насыщенностью жизненным опытом, образностью и меткостью слов и выражений. Здесь сказалось сочетание размаха мысли писателя с сильным, идущим из народных глубин словом, с необыкновенно ярким миром интонаций.

Стилевой диапазон повествования предельно широк – от высокого: «В священной тишине восходит солнце...», пронзительно лирического: «Залив — точно чаша, полная темным пенным вином, а по краям ее сверкает живая нить самоцветных камней, это огни городов – золотое ожерелье залива», до предельно реалистического; наряду с лирически приподнятыми, восторженно взволнованными строчками встречаются и строго реалистические зарисовки «каменистой и немой земли, которая требует так много влаги у небес, так

жадно хочет плодотворного труда людей и мало дает радости – мало!».

Образы-символы.

Ту же роль, что и афоризмы, выполняют в «Сказках» образы-символы, сопутствующие развитию сюжетной жизни рассказа. Например, образ Колумба: «...на высоком пьедестале – фигура Колумба, мечтателя, который много пострадал за то, что верил, и – победил, потому что верил. Он и теперь смотрит вниз на людей, как бы говоря мраморными устами: «Побеждают только верующие».

Юноша из двадцать четвертой сказки и провожающие его мать и невеста идут «по темным плитам древней дороги, мощенной разноплеменными рабами Рима». Так поразившая некогда Горького древняя Аппиева дорога становится и реальной деталью, и символическим обозначением трудного пути героя.

Во второй сказке оркестр музыкантов встречает детей из Пармы гимном Гарибальди. И в мощном реве медных труб как бы слышатся далекие отзвуки грандиозных битв итальянского народа за национальное освобождение и объединение страны.

Жене Донато Гварначья из восемнадцатой сказки приходится «заниматься невеселой работой Пенелопы – плести мечты о жизни и не жить». Женщину, чей муж уехал за океан, писатель сравнил с героиней поэмы «Одиссея», которая в течение двадцати лет ждала мужа и имя которой стало символом супружеской верности.

В сказке шестнадцатой один из итальянцев сравнивает молодую русскую женщину с Базилидой. Горький называет имя Базилиды – матери римского императора Юлиана, которая умерла при рождении сына.

Топография.

Писатель уделяет большое внимание топографии Капри, дает точные обозначения мест действия, упоминает и центральную площадь Пьяццетту (площадь Умберто I), и высшую горную точку острова – Монте Соляро, и старую церковь святой Терезы, и маленький средневековый монастырь Четрелла.

Все географические названия – Капо ди Мизена, Везувий, острова Иския и Прочида, города Сорренто, Салермно, Амальфи, Кастелламаре и другие – это ближайшие округа Капри, места, тесно связанные между собой. Такие же точные топографические признаки встречаются и в новеллах с неаполитанской основой. В них действие разворачивается то на одной из главных улиц Ривьера ди Кьяйя, то на набережной Санта-Лючия, то на площади Победы или Центральном рынке.

В двух сказках фигурирует город Генуя. Во второй – волнующая сцена встречи генуэзцами детей из Пармы происходит на небольшой привокзальной площади Акваверде: «В Генуе, на маленькой площади перед вокзалом, собралась густая толпа народа». В сказке шестнадцатой среди самых известных достопримечательностей Генуи названо кладбище «Санро Santo». Сказка четвертая открывается зарисовкой «синее спокойное озеро в глубокой раме гор, окрыленных вечным снегом...». Речь идет об одном из самых больших северных озер Италии близ швейцарской границы – Камо. Северные города – центр области Ломбардия Милан и центр Пьемонта Турин, названы в четырнадцатой сказке. Собеседник Джованни – маляр Винченцо называет так же Болонью, где он побывал солдатом.

Своеобразие итальянского быта и обычаев.

Метко схвачены писателем отдельные черты и детали быта, нравов, обычаев – передан самый дух страны, хотя сказки совершенно лишены этнографизма.

Вот, например, обычай в ряде итальянских городов отмечать полдень орудийным выстрелом: «где-то только что бухнула пушка» . Или другой,

очень давний житейский обычай, идущий от испанской традиции: женщина, смолоду надев траур, носила его всю жизнь: «идет к морю высокая женщина в черном платье... она вдова, муж ее, рыбак, вскоре после свадьбы уехал ловить рыбу и не вернулся...».

Воспроизводится характерная привычка итальянцев Юга носить тяжести на голове: «Он (Пепе) с полной готовностью взял корзину на голову себе и пошел...». И еще более укоренившаяся, распространенная и типичная особенность сопровождать речь жестикуляцией: «...непрерывно мелькают руки, которыми неаполитанцы говорят так же выразительно и красноречиво, как и неугомонным языком».

Сказку о Нунче Горький заключил описанием тарантеллы: «Грянул, загудел, зажужжал бубен, и вспыхнула эта пламенная пляска, опьяняющая, точно старое, крепкое, темное вино; завертелась Нунча, извиваясь, как змея, — глубоко понимала она этот танец страсти, и велико было наслаждение видеть, как живет, играет ее прекрасное непобедимое тело».

Так писатель создавал зрительное представление о неаполитанской тарантелле, во время которой Нунча умерла, о самом любимом своем танце, покорившем его навсегда красотой, грацией, искренностью больших чувств, нежностью и огнем.

В той же сказке о Нунче Горький показывает памятники Возрождения: «Квартал святого Якова справедливо гордится своим фонтаном, у которого любил отдыхать, весело беседуя, бессмертный Джованни Боккачио и который не однажды был написан на больших полотнах великим Сальватором Роза, другом Томазо Аниелло — Мазаниелло, как прозвал его бедный народ, за чью свободу он боролся и погиб, — Мазаниелло родился тоже в нашем квартале».

Ежегодно наблюдая весенний праздничный обряд — выпуск на волю певчих птиц, Горький рассказывал о нем в сказке двадцать седьмой: «Это славный обычай — вовлекать птиц, чистейшее из всех живых существ, в

лучший праздник людей; удивительно хорошо поет сердце в тот миг, когда сотни маленьких разноперых пичужек летают по церкви, и щебечут, и поют, садясь на карнизы, статуи, залетая в алтарь».

Горький описывает чуть ли не все виды рыб, которые водятся в тирренских водах: разноцветные виолы, сарпу, каньи, мурены и еще множество разных чудес подводного царства.

По-настоящему дружески, достоверно, вдумчиво Горький смог показать Италию, сумел раскрыть живую душу итальянского народа, показать его сокровенные мысли и чаяния благодаря своему писательскому мастерству и блестящему владению средствами художественного изображения.

Список использованной литературы:

1. Андреев Л.Н. Неосторожные мысли о М. Горьком. М.: Аграф, 2011.
2. Басинский П.В. Максим Горький (1868-1936) // Горький М. Рассказы. Пьесы. М.: Дрофа : Вече, 2002.
3. Бунин И.А. Грамматика любви. Повести и рассказы. М.: Художественная литература, 1985.
4. Быковцева Л.П. Горький в Италии. М.: Советский писатель, 1975.
5. Виноградов В.В. О языке художественной литературы. М.: Гослитиздат, 1959.
6. Волков А.А. Русская литература XX века. Дооктябрьский период. М.: Просвещение, 1964.
7. Горький М. Сказки об Италии. Рассказы. М.: Правда, 1980.
8. Демкина С.М. Италия в Музее А.М. Горького на Малой Никитской // utoronto.ca-Академический Электронный журнал славянских исследований, 2003.
9. Дунаев М.М. Вера в горниле сомнений. Православие и русская литература в XVII-XX вв. М.: Издательский совет русской православной церкви, 2003.
10. Жилияков А.С. Жанровое своеобразие литературной сказки рубежа XIX-XX веков («Посолонь» А.М. Ремизова – «Пак с волшебных холмов» Р. Киплинга). Автореферат. Томск: Издательство Томского государственного университета, 2008.
11. Захаров В.Т. Ранний М. Горький в восприятии литературной критики рубежа XIX-XX веков // Горький и культура. Горьковские чтения – 2010 29–30 марта. Материалы XXXIV Международной научной конференции. Нижний Новгород: РИ «Бегемот», 2012.
12. Ляпаева Л.В. Черты романа в структуре рассказов М. Горького 90-х годов // Горький и культура. Горьковские чтения – 2010 29–30 марта.

- Материалы XXXIV Международной научной конференции. Нижний Новгород: РИ «Бегемот», 2012.
13. Матвейчук Н.Ф. В творческой мастерской М. Горького. Львов: Издательство при Львовском государственном университете издательского объединения «Вища Школа», 1982.
  14. Михайлов М.И. Культурология М. Горького // Горький и культура. Горьковские чтения – 2010 29–30 марта. Материалы XXXIV Международной научной конференции. Нижний Новгород: РИ «Бегемот», 2012.
  15. Муратова К.Д. Горький в годы революционного подъема и первой мировой войны // История русской литературы: В 10 тт. – Т. 10. М.: АН СССР, 1954.
  16. Овчинникова Л.В. Русская литературная сказка XX века. История, классификация, поэтика. М.: Флинта, 2003.
  17. Примочкина Н.Н. А. Блок о культурно-исторической миссии М. Горького // Горький и культура. Горьковские чтения – 2010 29–30 марта. Материалы XXXIV Международной научной конференции. Нижний Новгород: РИ «Бегемот», 2012.
  18. Спиридонова Л.А. Италия в творчестве М. Горького // utoronto.ca- Академический Электронный журнал славянских исследований, 2003.
  19. Спиридонова Л.А. М. Горький: новый взгляд. М.: ИМЛИ РАН, 2004.
  20. Токарева Н.П. Италия вернула его к далекому детству // Нижегородская правда, 1999, N 32.
  21. krugosvet.ru
  22. litexplorer.ru
  23. litrsoch.ru
  24. wikipedia.org